

Александр Гарцев

**Хроника
неприкаянных
душ**

18+

Александр Гарцев

Хроника неприкаянных душ

«Автор»

2026

Гарцев А.

Хроника неприкаянных душ / А. Гарцев — «Автор», 2026

Известный сетевой писатель Александр Гарцев не первый раз предлагает нам, его читателям и поклонникам, книгу в жанре мистический триллер, семейная сага, нуарный детектив. "Хроника неприкаянных душ" — это густой, атмосферный триллер о том, что настоящие призраки живут не на старых кладбищах, а в пустых взглядах наших отцов. Это история о том, что милосердие иногда сильнее справедливости, а единственный способ победить тьму — это наконец-то пролить на неё свет.

© Гарцев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Персонажи нашего мистического триллера	5
Старший сержант (стажер дознавателя). Худой, с вечным цыпками на руках от северного ветра. Лицо вятское, неприметное, но глаза очень светлые, прозрачные — «глаза убийцы», как шутят в отделе, когда он долго смотрит в одну точку. Речь отрывистая, протокольно-сухая, но когда нервничает, сбивается на местный диалект (вместо «что» говорит «чо»).	6
Глава 1. Золото и слякоть	8
Глава 2. Пустой стакан	10
Глава 3. Пыль и формалин	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр Гарцев

Хроника неприкаянных душ

Персонажи нашего мистического триллера

Бакулин Сергей Михайлович, 24 года.

Старший сержант (стажер дознавателя). Худой, с вечным цыпками на руках от северного ветра. Лицо вятское, неприметное, но глаза очень светлые, прозрачные — «глаза убийцы», как шутят в отделе, когда он долго смотрит в одну точку. Речь отрывистая, протокольно-сухая, но когда нервничает, сбивается на местный диалект (вместо «что» говорит «чо»).

Мотив: иррациональная тяга домой. Он думает, что бежит к корням, но на самом деле бежит навстречу приговору своего рода.

Мышкин Аркадий Борисович, 72 года. Хранитель Ключевского краеведческого музея. Ходит в вязаной жилетке, от него всегда пахнет сырой бумагой, валерьянкой и засохшим чаем. Речь плавная, лекторская, полная уменьшительно-ласкательных суффиксов («голубчик», «архивчик», «душенька»).

Мотив: панический страх перед хаосом. Для него история — это упорядоченный гербарий. Призраки и реальные преступления Бакулиных нарушают его идеальный порядок, разрушают смысл его прожитой жизни.

Глафира (Глаша) Бакулина (в девичестве — призрак), 19 лет (1916 г.). Дочь кухарки. В 1916 году — румяная, крепкая, с тяжелой русой косой. В 2025 году — стук тумана, пахнущий печным угаром и парным молоком. Не говорит, только смотрит. Мотив: найти своего мужа. Она не мстит, она ждет на перекрестке, потому что ее венчание было прервано, и она юридически и духовно «зависла» между небом и землей.

Княжевич Алексей Нилович, 22 года (1916 г.). Племянник барина, юнкер, приехавший из Петрограда. В 2025 году — призрак в истлевшем кителе, с идеальной офицерской выправкой, от которого несет озоном и порохом. Речь (в воспоминаниях) — картавая, быстрая, интеллигентская. Мотив: искупление. Он привез в деревню не любовь, а сифилис, от которого тихо сходила с ума Глашина мать, и революционную заразу. Он чувствует вину за падение империи и за сломанную жизнь Глаши.

Лиза (Елизавета) Громова, 19 лет. Студентка 3 курса Ключевского педколледжа, волонтер-поисковик. Практичная, наглая, с крашеными в розовый кончиками волос и облупленным лаком на ногтях. Носит камуфляжные штаны с брендовыми кроссовками. Речь — смесь подросткового сленга и внезапно прорезающегося академического языка, когда она говорит о костях и датировках.

Мотив: доказать себе, что она не боится. Она из неблагополучной семьи, и чужая смерть для нее — понятнее, чем чужая жизнь.

Бакулин Михаил Трофимович, 58 лет. Отец Сергея. Местный алкоголик, потерявший обе руки на лесоповале (несчастный случай). Почти не говорит, только мычит и смотрит в стену. Живое воплощение вырождения рода. Его биография — это 1995 год (малиновые пиджаки, попытка «подняться» и падение на дно).

Семина Анна Павловна, 65 лет. Свидетель. Местная сумасшедшая, травница. Помнит всё, но путает времена. Именно она первой сказала Сергею, что «лампочка-то керосиновая плачет, горячих слез просит». Речь — сплошные присказки и рифмы.

Старшина Валеев Ринат Фаридович, 45 лет. Начальник Сергея в районном отделе. Уставший, циничный мент. Носит китель на голое тело. Речь — матерок, сквозь который изредка пробивается неожиданная житейская мудрость.

Мотив: чтобы стажер Бакулин закрыл дело о краже лампочки как «глухарь» и не позорил отдел, копаясь в скелетах.

Глава 1. Золото и слякоть

У «буханки» цвета осенней грязи не было шансов. Она содрогнулась, словно в предсмертной икоте, издала звук, похожий на кашель чахоточного, и окончательно замерла. Стрелка температуры охлаждающей жидкости с тихим щелчком ушла в красную зону.

Сергей Бакулин сидел за рулем, положив обе руки на оплетку, и не спешил выходить. Дворники лениво размазывали по лобовому стеклу мокрую пыль. За окном, насколько хватало глаз, простиралась вятская тайга. Октябрь в этих краях не дарил того пряного, пушкинского увядания, которое любят столичные поэты. Здесь золото листвы выглядело как дешевая, сусальная краска, нанесенная поверх гнили. Лес стоял мокрый, черный, и от него тянуло запахом прелой хвои, торфяника и холодной, неотвратимой смерти.

Тошнота подкатила к горлу — не от тряски, а от узнавания. Сергей уехал отсюда в пятнадцать, поклявшись не возвращаться. Он прошел армию, мыкался по съемным квартирам в областном центре, грыз гранит в заочном юридическом, цеплялся за любую работу в дознании. И вот, на двадцать пятом году жизни, намеренно спустился по карьерной лестнице. Из почти состоявшегося дознавателя — в стажеры. Из областного управления — в Ключевский районный отдел.

Он искал тишины. Искал места, где не нужно орать, чтобы тебя услышали, где время течет медленно, как смола. Он думал, что бежит от суеты. Только сейчас, глядя на этот черный ельник, Сергей с пугающей ясностью понял: он бежал не от суеты. Он бежал к пустоте. К корням, которые, как ему казалось, должны были дать опору, а на деле оказались гнилыми.

Ключи встретили его запахом мокрого битума и угольного дыма. Поселок районного значения, застрявший между советским прошлым и нищим настоящим. Панельные пятиэтажки с ржавыми балконами соседствовали с почерневшими от времени деревянными избами. У здания местного Дома культуры, сталинки с облупившимися колоннами, висел выцветший баннер: «Ключевский район — край легенд и трудовых подвигов!».

Именно там, в актовом зале, в этот самый час Аркадий Борисович Мышкин, глава краеведческого музея, рассказывал школьникам о героическом освоении лесных деленок. Сергей знал этот типаж до тошноты. Мышкин был хранителем глянца. В его музее не было места раскулачиванию, не было голодных смертей сорок седьмого года и не было «лесных братьев» девяностых. Там были только передовики производства, выпелы и чучело лося. Мышкин вымарывал из истории кровь, как корректор замазывает опечатки, оставляя на бумаге желтые, ядовитые пятна.

Здание ОМВД по Ключевскому району пахло хлоркой, нестиранными носками и дешевым растворимым кофе. Пластиковая обшивка на входе пожелтела от времени.

— Бакулин? — Старшина Валеев, начальник дознания, даже не поднял головы от бумаг. Он был в кители, накинутом прямо на несвежую тельняшку. На столе перед ним стояла кружка с надписью «World'sBestBoss», на дне которой покоился слой коричневого осадка.

— Так точно, товарищ старшина, — Сергей положил на стол тонкую папку с личным делом.

Валеев, наконец, соизволил посмотреть на него. Взгляд у начальника был тяжелый, оценивающий, взгляд мясника, прикидывающего, сколько жил в куске мяса.

— Присаживайся, земляк, — Валеев хмыкнул, выделив последнее слово. — Значит, к нам. Из областного управления. Сам пришел? Или попросили?

— Сам, — ровно ответил Сергей, садясь на стул для посетителей. Пружины под ним жалобно скрипнули.

— Понижаться пришел, — утвердительно кивнул Валеев. — С должности старшего опера стажером. К земле потянуло? К корням?

В его голосе не было сочувствия. Была густая, как мазут, ирония человека, который давно перестал мечтать о большем и теперь презирал всякого, кто еще на что-то надеется.

— Хочу набраться практического опыта, — сухо сказал Сергей.

— Опыта он хочет, — Валеев откинулся на спинку кресла, которое оглушительно хрустнуло. — А у нас тут, Бакулин, опыт специфический. У нас тут кража трех кур из сарая гражданки Пантелеевой — это «висяк» года. У нас тут молодежь нюхает клей за гаражами. У нас тут жизнь, Сережа. Не та, что в твоих протоколах.

Он открыл личное дело Сергея, пролистал его с демонстративной медлительностью. Задержался на странице с последней аттестацией.

— Характеризуется положительно, исполнительен, к карьерному росту стремится... — Валеев поднял глаза. — А теперь сидит у меня и просится в деревню.

Сергей молчал. Любое слово сейчас прозвучало бы как оправдание.

— У нас в районе, — Валеев ткнул коротким пальцем в висящую на стене карту, — есть прекрасное место. Деревня Бакулино. Тихо, спокойно. Воздух, опять же, экологически чистый. Участковый там, дед Матвей, совсем сдал. Ноги не ходят. Пойдешь к нему. Вторым номером. Стажировка на земле. Настоящая милицейская романтика. Будешь алкашей из канав вытаскивать да протоколы на бабок за незаконную торговлю семечками писать.

Сергей почувствовал, как внутри что-то оборвалось. Деревня Бакулино. Откуда он родом. Откуда бежал.

— Это приказ? — голос прозвучал хрипло.

— Это отеческая забота, — осклабился Валеев. — Чтобы ты, родной, своими корнями надышался. Чтобы понял, чего стоит твой юридический диплом.

Он достал из сейфа потертую планшетку, связку ключей и старый, еще советский фонарик «ЭРА».

— Держи. Инвентарь. Машину деда Матвея получишь. Синюю «шестерку». Если заведется. Свободен. Документы на подпись у секретаря.

Сергей взял планшетку. Пластик был липким.

На улице снова накрапывал дождь. Золото на деревьях окончательно потемнело от влаги, превратившись в грязную охру. Сергей дошел до угла, где стояла его «буханка» с открытым капотом, из которого валил сизый пар.

Он не стал открывать капот. Он просто пошел пешком. До Бакулино было километров пять по старой лесовозной дороге.

Он шел по обочине трассы «Вятка». Мимо проносились фуры, обдавая его веером грязной воды. Он смотрел на свои ботинки, на то, как на черной коже оседает рыжая вятская глина.

Десять лет он строил себя заново. Вытачивал из куска сырого дерева фигуру городского, жесткого, эффективного человека. И вот он идет под дождем в родную деревню, сжимая в руках липкую планшетку, и понимает, что дерево оказалось с гнильцой.

Тошнота вернулась, но теперь она была вызвана не дорогой. Она была вызвана осознанием: он вернулся не для того, чтобы найти тишину. Он вернулся, потому что тот шум, от которого он бежал в городе, был лишь эхом того, первобытного, глухого рева, который ждал его здесь, в черном ельнике, под фундаментом старой избы Бакулиных.

Впереди, за поворотом, показался покосившийся указатель, на котором кто-то криво, черной краской, дописал под официальным названием «д. Бакулино» одно слово: «Проклятая». Сергей остановился. Достал из кармана форменных брюк платок, медленно вытер лицо от дождевой воды и грязи, и шагнул на разбитую грунтовку, ведущую домой.

Глава 2. Пустой стакан

Дом встретил его запахом нежилого. Так пахнет старая древесина, когда ее долго мочит дождь, а потом она пытается высохнуть в темноте: кисловатой прелью, слежавшейся газетной бумагой и пылью, в которой веками копились чужая, вымершая жизнь. Участковая изба стояла на самом краю деревни, у кромки тайги. Сруб еще держался, но крыльцо просело на левый бок, как подбитая лошадь.

Сергей толкнул дверь. Она поддалась с тяжелым, утробным вздохом. Внутри было темно и тесно. Низкий потолок давил на макушку, заставляя пригнуться. Обстановка состояла из казенной панцирной кровати с никелированными шарами, колченого стола, покрытого выцветшей клеенкой, и пузатого, молчащего «Саратова» в углу.

Сергей бросил планшетку на стол. Звук получился глухим, неубедительным. Он щелкнул кнопкой старенького «ЭРА». Тусклый желтый луч выхватил из полумрака стену, оклеенную выцветшими обоями в мелкий голубой цветочек. В нескольких местах обои пузырились от сырости.

— Ну здравствуй, — сказал Сергей в пустоту.

Пустота ответила ему сквозняком из щелей в полу.

Он методично, как на обыске, обошел свои новые владения. Подпола не было — просто голая, промерзшая земля, прикрытая досками. В сарае, пристроенном к дому, он нашел сокровище: ящик с инструментами, банку с погнутыми гвоздями и, на верхней полке, под слоем сухой паутины, керосиновую лампу.

Она была тяжелой, из зеленоватой, помутневшей от времени меди. Стекло, к его удивлению, оказалось целым. Сергей вынес ее в дом, поставил прямо на клеенку стола. Нашел в ящике комода коробок спичек.

Когда фитиль занялся, по стенам заплясали тревожные, дерганные тени. Желтый, коптящий свет не разгонял мрак, а лишь делал его более плотным, осязаемым. Сергей смотрел на язычок пламени. В областном управлении свет был люминесцентным, резким, бездушным. Этот — живой. И от этого живого света Сергею стало еще холоднее.

Он снял форменную куртку, оставшись в одной футболке. Поежился. Октябрь в этих стенах ощущался как декабрь. Нужно было топить печь, но мысль о том, чтобы идти на улицу за дровами, колоть их, разжигать, казалась непосильным трудом. Он сел на кровать. Пружины впились в бедра даже через плотную ткань.

Сергей закрыл глаза. Он думал о Мышкине. О том, как этот лысый старик в жилетке сейчас, наверное, пьет чай в своем уютном музее, среди чучел и вымпелов, и чувствует себя в полной безопасности. Мышкин вычеркнул из истории кровь, но кровь никуда не делась. Она просто ушла под землю. И теперь, похоже, начала сочиться обратно.

Сергей проснулся от холода.

Пламя в лампе едва теплилось, фитиль почти догорел. В избе стояла абсолютная, звенящая тишина, какая бывает только в лесу перед заморозками. Он посмотрел на часы. Начало одиннадцатого.

Он протянул руку, чтобы подкрутить фитиль, и замер.

Стол был пуст.

Лампа исчезла.

Сергей моргнул. Протер глаза. Посмотрел снова. Клеенка была пуста. Не было ни зеленой меди, ни мутного стекла. Он заглянул под стол. Обошел избу, светя себе экраном кнопочного телефона. Пусто.

Он подошел к окну, вглядываясь в чернильную темень двора. Никого. Дверь в сени он запер на щеколду. Окна целы.

Кража. У него, у сотрудника полиции, из собственного дома, пока он спал, украли вещь. Это было настолько нелепо и унижительно, что Сергей на секунду даже не разозлился, а растерялся. Украсть керосинку? В двадцать первом веке? Зачем? Сдать на цветмет? Медь там была старая, цена копеечная.

Холод, который до этого просто жил в стенах, теперь пробрался под кожу. Это было не просто воровство. Это было послание. Пространство, этот старый сруб, этот поселок, эта земля — они его не приняли. Они проверили его на прочность самым простым, бытовым способом, и он провалился. Он проспал.

Сергей с силой ударил кулаком по стене. Боль в костяшках отрезвила.

Он достал из планшетки бланк протокола. Руки слегка подрагивали — то ли от холода, то ли от злости.

«Протокол принятия устного заявления о преступлении... Бакулин Сергей Михайлович... со стола в помещении жилого дома... путем свободного доступа... похищена керосиновая лампа медная, одна штука...»

Он писал, и буквы казались ему детскими, беспомощными. Кража копеечного хлама. Прекрасное начало службы.

Утром, докуривая последнюю сигарету на крыльце, он услышал тархтение. У ворот остановился синий, покрытый рыжими пятнами ржавчины ВАЗ-2106. Из машины, кряхтя, выбрался участковый — дед Матвей.

— Проснулся, стажер? — проскрипел дед, опираясь на палку. — Печку-то не топил. Застудишься.

— У меня тут... происшествие, — Сергей кивнул на пустой стол в сенях, где вчера стояла лампа. — Кража.

Дед Матвей прищурился, посмотрел на пустой стол, потом на Сергея.

— А, лампу сперли, — сказал он так буднично, будто сообщили о пропаже веника. — Бывает. Домовой пошаливает. Или Нюрка-пьяница заходила, она все, что плохо лежит, к себе в подпол тащит.

— Дед Матвей, — голос Сергея стал стальным, тем самым, которым он разговаривал с задержанными. — Это не домовый. Это кража. Я буду писать заявление.

— Ну пиши, пиши, — равнодушно согласился дед. — Только в Ключах тебе все равно другую дадут. У нас тут без света-то совсем тоска.

В Ключи они поехали на «шестерке» деда Матвея. Машина чихала, плевалась сизым дымом, но ехала.

В здании ОМВД пахло тем же кофе и безнадеей. Валеев, увидев Сергея, расплылся в улыбку, от которой его глаза превратились в две щелочки.

— О, блудный сын! Как спалось на перинах? Клопы не заели?

— Товарищ старшина, — Сергей положил на стол бланк. — Заявление о краже.

Валеев взял бумагу. Пробежал глазами. Его плечи затряслись.

— Бакулин, — протянул он, и в голосе его зазвучал чистый, незамутненный восторг. — Я думал, у нас тут только кур воруют. А у вас там, я смотрю, маньяк объявился. Серийный. По керосинкам специализируется.

— Это моя личная вещь, — процедил Сергей.

— Да хоть бабушкино наследство, — Валеев швырнул бланк обратно. — Слушай сюда, стажер. В Ключевском районе за прошлый месяц две угнанные машины, одна «резиновая» статья и разбой на трассе. У меня людей нет это говно разгрести. А ты мне тут... лампочку.

— Я выполняю свои должностные обязанности, — отчеканил Сергей.

— Твоя обязанность, Бакулин, — Валеев наклонился через стол, обдав его запахом перегара, — не позорить погоны. Хочешь быть формалистом? Будь. Пиши. Я зарегистрирую. КУСП

заведем. Найдем мы твою лампу. В сарае у Нюрки. Но запомни: в этой деревне, если у тебя украли керосинку — это не кража. Это приглашение. Тебе сказали, что ты здесь чужой.

Сергей взял бланк. Пальцы дрожали уже не от холода. От бессилия.

Он вышел на крыльцо ОМВД. Накапывал мелкий, противный дождь. Золото осени окончательно смыло, оставив только серую, жирную слякоть.

А вечером, когда он вернулся в свою холодную избу, в сенях, на том самом месте, где вчера стоял его стол, на полу лежала керосиновая лампа. Та самая. Зеленоватая медь. Целое стекло.

Она была пуста. Внутри не было ни фитиля, ни керосина. Только на дне лежал единственный пожелтевший, истлевший до состояния папиросной бумаги листок из школьной тетради в клетку. На нем расплывшимися фиолетовыми чернилами было выведено два слова: «Дознавайся, Сережа».

Сергей стоял в дверях, не решаясь переступить порог. Холод, который раньше просто жил в стенах, теперь смотрел на него изнутри пустого стеклянного колпака.

Глава 3. Пыль и формалин

Ноябрь в Ключевском районе наступил на неделю раньше календаря. Небо, еще вчера плакавшее мелким дождем, затянуло плотной, свинцовой плитой. Снег, выпавший под утро, не был тем пушистым, праздничным пухом, который радует детей. Это была тяжелая, мокрая крупа, которая мгновенно смешивалась с грязью, превращая улицы поселка в вязкое, серое месиво. Мир потерял объем и цвет, став похожим на старую, плохо проявленную черно-белую фотографию.

Здание музея встретило Сергея запахом, который невозможно спутать ни с чем — смесью нафталина, столярного клея, застарелой пыли и чего-то химического, медицинского. Так пахнет время, когда его пытаются законсервировать.

Аркадий Борисович Мышкин восседал за массивным дубовым столом в кабинете, который по совместительству служил ему хранилищем фондов. Он был похож на старую, больную птицу: острые колени, обтянутые шерстяными брюками, сутулая спина и большие, влажные глаза за толстыми линзами очков. Перед ним лежала раскрытая амбарная книга. Когда дверь скрипнула, Мышкин не поднял головы, лишь раздраженно дернул плечом.

— Я же сказал вчера вашему участковому, — проскрипел он, не отрывая взгляда от строчек. — Хлам. Советская штамповка. Лампы шестидесятых годов ценности не имеют. Ни исторической, ни материальной.

— Я не по поводу советской, — Сергей расстегнул куртку, но снимать не стал. В кабинете было душно, пахло пылью и застарелым потом. — Я по поводу той, что у вас в журнале выдачи числится. «Лампа медная, XIX век». Вы списали ее месяц назад. По ветхости.

Мышкин медленно, с видимым усилием, оторвал взгляд от бумаг. Он снял очки, и его глаза сразу стали маленькими, растерянными и беспомощными. Он достал из кармана жилетки несвежий носовой платок, протер стекла. Руки его мелко дрожали.

— Вы протокол на меня хотите составить, Сергей Михайлович? — голос краеведа стал вкрадчивым, почти ласковым, но в нем зазвенел плохо скрытый металл. — О хищении государственного имущества? Так я вам справку от окулиста принесу. Та лампа рассыпалась в труху. Я сам ее в мусорный бак вынес.

— В мусорный бак поселка Ключи? — Сергей позволил себе усмехнуться. — Сомнительная судьба для антиквариата девятнадцатого века.

Мышкин тяжело вздохнул. Запахло валерьянкой — он держал открытый пузырек где-то в ящике стола.

— Послушайте, молодой человек, — он наклонился вперед, упершись костлявыми локтями в стол. — Вы приехали из города. Вы думаете, что история — это то, что лежит в витрине под замком. Блестящее. Инвентарное. А история — это труха. Это то, что гниет. Если я буду выставлять в музей каждую ржавую подкову и каждый лоскут, в котором наши бабы на сенокос ходили, у меня места для героев труда не останется. Мы должны воспитывать гордость. А вы со своими керосинками...

— Мышкин, — Сергей подался вперед, опираясь руками о стол. Он смотрел не на лицо краеведа, а на его шею, на то, как под дряблой кожей часто-часто бьется синяя жилка. — Мне плевать на вашу гордость. Мне плевать на инвентарные номера. У меня из дома украли вещь. А потом подбросили обратно. Пустую. И в нее положили записку.

Он замолчал, давая словам повиснуть в спертom воздухе кабинета.

Мышкин перестал дышать. Его пальцы, теребившие платок, замерли. Он медленно, очень медленно перевел взгляд с лица Сергея на край стола, потом на окно, за которым кружила мокрая снежная крупа.

— Записку? — переспросил он одними губами. Лицо его, и без того бледное, стало цвета канцелярской бумаги. Он судорожно сглотнул. — Какую записку?

— «Дознавайся, Сережа», — ровно ответил Сергей. — Написано вашим любимым фиолетовым цветом. Из вашего любимого прошлого.

Краевед вдруг резко, всем телом, дернулся в сторону, словно его ударили. Он схватил амбарную книгу и попытался ее захлопнуть, но промахнулся пальцами мимо корешка. Книга с грохотом упала на пол, рассыпав веером пожелтевшие карточки.

— Это не смешно, — просипел Мышкин. Он полез дрожащей рукой в карман брюк, достал помятую упаковку, выронил одну таблетку. Схватил ее потной ладонью и бросил в рот, не запивая. — Это вульгарно. Пошло. Вы пытаетесь меня...

— Я пытаюсь понять, — перебил Сергей. Он поднял с пола одну из выпавших карточек. «Княжевич А.Н. Личные вещи. Поступление 1921 г. (конфискат)». — Почему вы списали лампу месяц назад? Кому она понадобилась? Скупщикам? Черным копателям?

— Никому! — почти выкрикнул Мышкин. На его висках выступили крупные градины пота. Пахнуло острой, кислой валерьянкой. — Она никому не нужна! Она... она проклята!

Сергей замер. Он ожидал услышать про скупщиков, про долги, про что угодно из Уголовного кодекса. Но не это.

— Вы же материалист, Аркадий Борисович, — тихо сказал Сергей. — Вы презираете суеверия. Вы сами мне рассказывали, как разоблачали «плачущую икону» в семидесятом, налив в нее масло с тыльной стороны.

— Я знаю, что я видел! — Мышкин вскочил, опрокинув стул. Он был жалок — маленький, потный, с перекошенным лицом. — Я списал ее, потому что она горела! Понимаете? Горела! Без фитиля, без керосина! Синим пламенем! Всю ночь! Я зашел в хранилище, а она стоит на столе и горит! Я думал, с ума сошел! Я ее в мешок — и в бак! А она... она вернулась.

Он осекся, поняв, что сказал лишнее. В кабинете повисла тишина, нарушаемая только тиканьем настенных часов с кукушкой и тяжелым дыханием краеведа.

Сергей смотрел на него и чувствовал, как внутри вместо привычной милицейской логики зарождается липкий, холодный страх. Дело переставало быть кражей. Дело переставало быть даже просто хулиганством.

Если Мышкин — человек, который вывернул историю наизнанку ради своего спокойствия, — боится этой лампы до мокрых штанов, значит, дело не в меди. И не в керосине.

— Где книга? — спросил Сергей. — Метрическая книга, которую украли из библиотеки. Она ведь тоже «рассыпалась в труху»?

Мышкин молчал. Он тяжело, со свистом дышал, глядя на пустой стол. Потом медленно, очень медленно наклонился, поднял амбарную книгу и прижал ее к груди, как щит.

— Уходите, — прошептал он. — Уходите из моего музея, участковый. Вы не знаете, с чем играете.

Сергей ничего не ответил. Он развернулся и пошел к выходу. Когда за ним закрылась тяжелая дубовая дверь, отрезая его от запаха формалина и паники, он достал сигарету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.